

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава X ¹⁾.

Пенджабъ и Афганская граница.

Во второй половинѣ 19-го столѣтія было три опасенія войны между Россіей и Англійей.

Первое при лордѣ Пальмерстонѣ въ 1864 г. по поводу Польши.

Второе при Биконсфильдѣ въ 1878 года по поводу Восточнаго вопроса. Оба эти событія имѣли, до извѣстной степени, мнимый предлогъ, а третье не имѣло даже и кажущагося предлога.

Третій поводъ для войны между Россіей и Англійей произошелъ въ 1885 г., но это было со стороны Англии какое-то помраченіе ума. Этотъ поводъ при правленіи Гладстона не имѣлъ ни малѣйшаго основанія: онъ возникъ по поводу Афганской границы.

Когда филантропы утверждаютъ, что народы теперь образумились и не будутъ прибѣгать къ оружію, имъ обыкновенно возражаютъ: „А Пенджабъ“.

Не было на свѣтѣ болѣе миролюбивыхъ людей, какъ Александръ III и Гладстонъ. Не было, вѣроятно, также двухъ людей, которые имѣли бы такое искреннее уваженіе другъ къ другу, какъ эти два человѣка. Гладстономъ восхищалась вся Россія, и хотя англійская нація не имѣла возможности знать

¹⁾ См. „Русская Старина“, іюль 1914 г.

близко Императора Александра III, министры англійскіе отзывались о немъ какъ о человѣкѣ рѣдкой правдивости, честности и безъ всякой хитрости. Либеральная партія стала у власти, послѣ долгой выборной кампаніи, при чемъ каждый либеральный кандидатъ былъ противникомъ турокъ, а большинство изъ нихъ желали честно добраго соглашенія съ Россіей. Невозможно вообразить болѣе благопріятнаго соединенія силъ для созданія прекрасныхъ отношеній между Петербургомъ и Лондономъ въ началѣ 1885 года; однако, не прошло четырехъ мѣсяцевъ, какъ обѣ державы стали вооружаться, съ ногъ до головы, въ ежеминутномъ ожиданіи войны.

Это тѣмъ болѣе удивительно, что не было даже настоящихъ спорныхъ пунктовъ, не грозила опасность торговлѣ, не рисковали потерей прибылей, не было даже существеннаго затрудненія въ спорномъ вопросѣ. Англія и Россія согласились провѣрить сѣверо-западную границу Афганистана; осложненіе вышло изъ-за Пенджаба, но и это мѣстное осложненіе не должно было служить предлогомъ къ раздору. Граница вскорѣ потомъ была проведена, съ общаго согласія, и больше двадцати лѣтъ ни малѣйшаго недоразумѣнія не произошло съ той или другой стороны.

Но невѣроятность войны увеличивалась однимъ необычнымъ обстоятельствомъ: сражающіеся не могли даже встрѣтиться на территоріи, чуть не послужившей *casus belli*. Войны часто возникали, когда военныя силы, въ большомъ числѣ, неожиданно сталкивались на географической границѣ, но сѣверная граница Афганистана была, безусловно, недостижима для британскихъ войскъ. Эмиръ, въ защиту котораго англичане яко-бы грозили Россіи войной, первый враждебно отнесся бы къ нимъ, если бы они прошли черезъ его владѣнія, спасая его границы отъ нападенія русскихъ.

Народнаго движенія въ пользу войны не существовало ни съ той, ни съ другой стороны. Англія въ ту минуту была поглощена трагической судьбой Гордона и тяжелыми послѣдствіями потери Хартума. Въ Россіи общее стремленіе было не увеличивать затрудненій Гладстона, но, несмотря на всѣ вліянія въ пользу мира, Англія и Россія тѣмъ не менѣе были на одинъ шагъ отъ войны и, что странно,—противодѣйствій войнѣ тоже не было. Никто ея не желалъ, но никто ей не противился.

Я сказалъ напрасно: „никто“, говоритъ Стэдъ, такъ какъ было въ оппозиціи одно лицо въ Россіи, и такое же лицо въ

Англии, но каждый въ своей странѣ были *athanasius contra mundum*.

Въ Англии нашелся одинъ министръ, который рѣшился противиться Гладстону и его коллегамъ, это былъ Чемберленъ, который въ то время не былъ еще завзятымъ торіемъ. Въ кабинета никто не зналъ объ оппозиціи Чемберлена воинственной политикѣ Гладстона. Вся печать въ Великобритани, за исключеніемъ однако „Пэль Мэль Газетъ“, грозила войной Россіи. Въ Москвѣ было то же настроеніе. „Московскія Вѣдомости“ печатали статьи г-жи Новиковой о терпѣнн и миролюбн, но самъ Катковъ смотрѣлъ на нее, какъ на мечтательницу, и читающая публика не раздѣляла ея мнѣній, а нѣкоторые считали ее чуть ли не измѣнницей.

Благодаря дружбѣ съ Катковымъ, г-жа Новикова получила его согласіе печатать, въ его газетѣ, горячіе призывы къ русскимъ людямъ въ пользу англо-русскаго союза; и во время Пенджабскаго столкновенія г-жа Новикова продолжала писать свои дружественныя статьи, вовсе не обращая вниманія на враждебность двухъ Великихъ Державъ, которыя она мечтала соединить неразрывной дружбой. Въ день появленія ея статьи, къ ней прѣхала одна вліятельная дама. „Что Вы скажете о сегодняшней Катковской статьѣ? воскликнула та съ негодованіемъ. Вѣдь онъ печатаетъ вещи, которыя только могъ бы внушить ему англійскій агентъ. Не стыдно ли ему? Кто это О. К.? C'est revoltant“, заключила она.

Россія, несомнѣнно, была правѣ Англии. Время это теперь такъ далеко, что, рассматривая безпристрастно эти безумныя событія, приходишь къ заключенію, что англичане были вполне неправы. И по этому неправому дѣлу, въ спорѣ, возбужденномъ британскими офицерами, поступокъ которыхъ нельзя иначе назвать, какъ непростительнымъ вѣроломствомъ, Англія, при Гладстонѣ, грозила войной Россійской Имперіи на сушѣ и на морѣ. Никогда, въ наше время, не предполагалась такая сумасшедшая и преступная борьба, однако, исключая Чемберлена въ англійскомъ кабинетѣ и г-жи Новиковой въ Москвѣ, все народонаселеніе Россіи и Англии было готово, болѣе или менѣе, равнодушно покориться судьбѣ. Христіанская церковь молчала. Ни одного публичнаго собранія для протеста противъ бесполезной войны въ обѣихъ странахъ не состоялось. На предложеніе „Пэль-Мэль-Газеты“ о посредничествѣ, былъ данъ суровый отпоръ, даже газетой „Дели Ньюсъ“, которая въ то время ввела своихъ кричащихъ собратьевъ провин-

ціальной прессы въ безумный джингоизмъ. Споръ этотъ давно забытъ, онъ касался полоски въ пятьдесятъ миль безводной степи на самомъ сѣверо-западѣ Афганистана.

Выдающіеся пункты распри были напечатаны 26-го марта 1885 г. въ „Пэль-Мэль-Газетъ“, въ шести слѣдующихъ параграфахъ, вмѣстѣ съ вызовомъ къ отвѣту всякаго, кто бы сталъ опровергать ихъ достовѣрность.

Мы требуемъ отъ нашихъ современниковъ, прежде чѣмъ сказать слово, могущее быть принятымъ за угрозу войной, обратить вниманіе на слѣдующіе тезисы, которые, если не могутъ быть опровергнуты, въ случаѣ нарушенія мира, навлекутъ на Англію всю вину и преступность несправедливой войны.

1) Россія и Англія согласились, въ маѣ, передать на рѣшеніе соединенной комиссіи вопросъ, что считать границами Афганистана и не Афганистана.

2) А во всей оспариваемой территоріи нѣтъ мѣстъ, которымъ названіе Афганистана было бы болѣе спорнымъ, какъ Пенджабъ.

3) Вопросъ о томъ, былъ ли Пенджабъ въ Афганистанѣ или нѣтъ, былъ порученъ сэру Питеръ Лумздену и его комиссіи.

4) Но когда соглашеніе съ Россіей состоялось, въ оспариваемой мѣстности не оказалось ни афганцевъ, ни русскихъ; ближайшіе афганцы находились въ Бала Мургабѣ, а ближайшіе русскіе—въ Сарахсѣ.

5) Когда же Россія и Англія заключали окончательныя условія для отправки соединенной комиссіи, долженствующей рѣшить принадлежность всѣхъ спорныхъ земель, афганцы внезапно захватили Пенджабъ, въ іюнѣ, и владѣютъ имъ съ тѣхъ поръ.

6) Тутъ русскіе заявили протестъ, но такъ какъ Англія не вызвала афганцевъ, то Россія сама въ октябрѣ отвѣтила тѣмъ, что послала маленькій отрядъ въ Пулихатунъ.

Въ заключеніе нужно прибавить, что на занятіе Пенджаба афганцами русскіе отвѣтили занятіемъ Зульфיקара, вслѣдствіе чего англійская печать закричала о войнѣ. Положеніе казалось серьезнымъ, въ мартѣ, въ апрѣлѣ оно казалось безнадежнымъ, такъ какъ 30-го марта генераль Комаровъ напалъ на афганскую армію, захватившую Пенджабъ въ іюнѣ, и выгналъ ее съ позиціи. Афганцы потеряли 500 человекъ, свой лагерь и всѣ припасы. Когда эти извѣстія пришли въ Лондонъ, Гладстонъ самымъ мелодраматичнымъ тономъ обвинилъ поведение Россіи, и всѣ думали, что война неминуема. На войну голосовали 11,000,000 фс. и адмиралтейству былъ данъ приказъ

приготовить флотъ къ немедленной войнѣ съ Россіей и Франціей—такъ по крайней мѣрѣ сэръ Куперъ Ки, начальникъ морскихъ силъ, сообщилъ Хобаръ-Пашѣ, который съ большою радостью пріѣхалъ объявить объ этомъ въ редакцію „Пэль-Мэль-Газеты“.

Для очистки гавани рѣшено было нагрузить корабли изъ Судана для предполагаемой войны, оставляя несчастные гарнизоны на произволъ судьбы.

Кромѣ этого, 11-ти милліонный взносъ былъ обѣщанъ на 21-е апрѣля, но 4-го мая Гладстонъ объявилъ, что препятствіе къ мирному соглашенію съ Россіей удалено и что оба правительства рѣшили, въ случаѣ несогласія, могущаго возникнуть, обратиться къ третейскому суду одного царствующаго лица дружественной державы. На другой день стало извѣстно, что сэръ Питеръ Лумзденъ былъ отозванъ въ Англію, и что всякая опасность войны миновала. Внезапное паденіе затѣи было поразительно; оно объясняется позднимъ открытіемъ, что эмиръ, въ пользу котораго англичане подняли весь шумъ, не придавалъ ни малѣйшаго значенія оспариваемой безлюдной мѣстности и что онъ ни за что не пропустилъ бы англійскія войска черезъ Афганистанъ для войны съ Россіей. Смѣшная нелѣпость—защищать нетребующаго защиты человѣка, который скорѣе самъ объявилъ бы войну Англіи, чѣмъ разрѣшить войну за свои границы, была наконецъ понята англійскими министрами, которые нашли единственный выходъ въ предложеніи обратиться къ посредничеству главы дружескаго государства.

Время было тревожное для Англіи. Гордонъ только-что умеръ въ Хартумѣ. Общественное мнѣніе было сильно возбуждено противъ Гладстона, хотя виноватъ былъ не онъ. Правительство сознавало, что послѣ униженія, перенесеннаго въ Хартумѣ, министры не имѣли права подвергнуть страну новому униженію въ Средней Азій. Не будь необыкновеннаго терпѣнія со стороны Россіи и здраваго смысла эмира,—произошло бы скандальное событіе: война была бы объявлена Гладстономъ Россіи, въ союзѣ съ Турціей, въ надеждѣ, что кровь, пролитая въ Средней Азій, будетъ цѣлебнымъ бальзамомъ для жестоко поврежденнаго престижа Англіи въ Суданѣ.

Въ то время единственнымъ доброжелателемъ Россіи въ Англіи считалась „Пэль-Мэль Газета“.—Какъ и въ 1877-78 годахъ, говоритъ Стедъ, мы съ Ольгой Алексѣвной Новиковой единодушно работали въ пользу мира. Фактъ, что въ столицѣ Англіи есть хоть одна газета, сильно поддерживающая интере-

сы Россіи, смягчилъ нѣсколько горечь, испытываемую въ Петербургѣ и Москвѣ. Письмами и частыми телеграммами мы обмѣнивались съ „О. К.“ необходимыми свѣдѣніями, чтобъ останавливать минутное бевуміе, и лозунгъ нашъ, смѣло провозглашаемый среди общаго волненія, былъ: „Англо-Русскій Союзъ“.

Въ тотъ самый день, когда генералъ Комаровъ прогналъ афганцевъ изъ Пенджаба, Стедъ писалъ въ „Пэль-Мэль Газетъ“: Россія и Англія должны дѣйствовать заодно въ Азіи. Рѣшеніе Средне-Азіатскаго вопроса можетъ осуществиться только англо-русскимъ союзомъ, онъ станетъ неизмѣримо затруднительнѣе въ случаѣ англо-русской войны.

„Безполезны Ваши статьи, милый Стедъ“, сказалъ Хобаръ-Паша, садясь въ покойное кресло редакціи. Вы одиноки, и всѣ газеты, всѣ политики противъ Васъ. На этотъ разъ Вы побѣждены. На дняхъ я выѣзжаю въ Константинополь, чтобъ приготовить проходъ британскаго флота черезъ Босфоръ въ Черное море. Вы боролись хорошо, но проиграли игру“.

„На видъ дѣло стоитъ не хорошо“, сказалъ Стедъ, но войны не будетъ. Русскіе дѣйствуетъ прямо, мы виноваты, но какъ-нибудь это мы уладимъ. Такъ шли дни за днями. Въ одно прекрасное утро, въ началѣ мая, приходитъ Хобаръ-Паша и говоритъ Стеду: „Я пришелъ съ Вами проститься. Никогда не думалъ, чтобы все такъ уладилось. Я побить, но поздравляю Васъ съ успѣхомъ“. „Теперь, прибавилъ онъ, я скажу туркамъ, чтобъ они бросились въ объятія Россіи, Англія имъ бесполезна. Прощайте“. Я никогда больше не видѣлъ Хобаръ-Пашу, говоритъ Стедъ, это грубый прямой морякъ, котораго многіе изъ насъ посадили бы въ тюрьму за его помощь туркамъ въ 1877-78 году.

Г-жа Новикова сообщала мнѣ подробно о русскомъ мнѣніи и о видахъ русскаго правительства.

Претензія англичанъ состояла въ томъ, что членъ комиссіи генералъ Зеленый долженъ былъ встрѣтить англійскаго члена комиссіи сэра Питера Лумзденъ, 13-го октября, на границѣ. Раньше этого числа было заявлено, что г. Зеленый боленъ и не можетъ прибыть до февраля. Самъ сэръ Лумзденъ пріѣхалъ 19-го ноября. По наущенію англійскихъ офицеровъ, афганцы заняли Пенджабъ въ іюнь. Русскіе, раздраженные этой попыткой предупредить рѣшеніе комиссіи, заняли другіе выгодные пункты оспариваемой территоріи.

Русское правительство рѣшило, что послѣ случившагося неблагоразумно продолжать разграниченіе на мѣстѣ. Лучше бы-

ло установить прямыми сообщеніями съ Лондономъ, должна ли граница быть проведена только географическая или смѣшанно географическо-этнографическая? Русское правительство послало въ Лондонъ Лессара, чтобъ вести переговоры на мѣстѣ. Обвиненіе русскаго правительства въ вѣроломствѣ основывалось на болѣзни генерала Зеленаго и на измѣнившихся по этому случаю условіяхъ. Подозрѣвали, что Россія желаетъ или разрыва или захвата лучшихъ мѣстъ оспариваемой земли, а фактъ, что афганцы завладѣли территоріей по подстрекательству англичанъ, былъ удобно игнорированъ въ Лондонѣ, на этомъ фактѣ произошелъ весь споръ.

Г-жа Новикова, говоритъ Стедъ, описывала ему, 19-го февраля, свое свиданіе съ весьма авторитетнымъ лицомъ, которому было извѣстно все, что касалось иностранной политики въ Имперіи. Это свиданіе, опубликованное въ „Пэль-Мэлъ Газетъ“, 24-го февраля, изображаетъ какъ нельзя болѣе кратко и ясно— поступокъ Россіи. Ольга Алексѣевна просила авторитетное лицо сообщить ей совершенную истину о выступленіи русскихъ войскъ въ территорію, на что онъ отвѣчалъ:

„Сэръ Питеръ Лумденъ взялъ съ собой двухъ или трехъ молодыхъ людей, какъ г-нъ Стивенъ, которые говорятъ по-русски и которые вообразили, что дѣлаютъ услугу Англій, подбивая афганцевъ занимать далеко за предѣлами ихъ границъ позиціи. Афганцы, подъ вліяніемъ этихъ англичанъ, заняли Пенджабъ, никогда не принадлежавшій Афганистану. Наши военные, видя и слыша всюду непріязненное отношеніе англичанъ, отвѣтили на это выступленіемъ съ своей стороны; пошли они дальше, чѣмъ было нужно, такъ что ошибка была съ обѣихъ сторонъ, но начали англичане“.

Если бы Гладстонъ и лордъ Гранвиль потрудились прочитать то, что было сообщено г-жей Новиковой, и вникли бы въ суть дѣла, никакой тревоги не было бы, такъ какъ разслѣдованіе открыло бы то, что теперь неоспоримый фактъ, т. е. что афганцы дѣйствовали по подстрекательству Стивена и капитана Гетъ.

Пятница, 22-е марта.

„Я почти не имѣю надежды, чтобы вопросъ о границахъ былъ мирно разрѣшенъ, если Деферинъ, или его начальникъ эмиръ, потребуютъ, чтобъ русскіе отступили. Меня огорчаетъ мысль о разрывѣ между Россіей и Англійей, также какъ брата, но, повѣрите ли, Катковъ, Аксаковъ и друг. охотно бы прочли Англію... Это ужасно!

Но англійское общество такъ несвѣдуще, оно принимаетъ каждую копеечную газету за истину и мудрость и повторяетъ все, что читаетъ. Не будь „Пэль-Мэль Газетъ“, не знаю, до чего бы дошла у насъ ненависть къ Англии. Она принесла огромную пользу.

„Между прочими заблужденіями того времени явилось извѣстіе, что русскіе хотятъ взять Герать“.

Москва, 29/17 марта 1885 года.

„Я была сегодня въ домово́й церкви князя Долгорукова. Генераль-губернаторъ очень любезенъ и очень озабоченъ воинственнымъ тономъ англійской печати. Онъ говоритъ: „Англія воображаетъ почему-то, что мы желаемъ завладѣть Афганистаномъ, а въ особенности Гератомъ“. Я только-что возвратился изъ Петербурга, гдѣ видѣлся съ генераломъ Черняевымъ, и онъ, даже онъ, отвергаетъ всякую идею о Гератѣ. „Мы бы его не удержали“, заключаетъ Черняевъ. Меня мысль о войнѣ приводитъ въ отчаяніе. Ваша статья прекрасна. Какъ было бы ужасно, если допустили бы войну между Россіей и Англіей! Восемилѣтніе труды наши были бы потеряны, и какая была бы это ужасная борьба... Да поможетъ вамъ Богъ въ вашихъ мирныхъ усиліяхъ! заключаетъ г-жа Новикова.

Москва, 30/18 марта 1885 года.

„Я написалъ статью для „Моск. Вѣдом.“ о Лессарѣ и наполовину это протестъ противъ глупости нашей дипломатіи не прервать переговоры, какъ только афганцы заняли Пенджабъ въ юнѣ. Вотъ гдѣ ошибка Россіи. Катковъ исключилъ этотъ параграфъ. По сегодняшнему объясненію, данному мнѣ, наши думали мирно уладить вопросъ, не допуская русскую публику озлобиться противъ Англии. Какъ глупо! „Вы меня удивляете, говоря, что Зеленый не былъ серьезно боленъ. Я слышала о его болѣзни отъ разныхъ лицъ въ Петербургѣ и помню слова Сталя: Гирсъ сердится на меня за мой скептицизмъ къ болѣзни Зеленаго. Мнѣ такъ непріятна эта неожиданная ссора. Да,—наша честная энергичная восьмилѣтняя работа, кажется, разлетится въ прахъ! Это ужасно!

„Я всею душою вѣрна русско-англійскому соглашенію, но ваша глупая печать не права, задирая слишкомъ часто Россію“.

Въ апрѣлѣ г-жа Новикова пишетъ:

„Какъ странно? Вы все отгадали въ вашей передовой статьѣ 28-го марта?“

И дѣйствительно Зеленый чуть-чуть не отправился въ Пенджабъ. Его болѣзнь пришла кстати. Мы слишкомъ довѣряли мудрости Гладстона. Вотъ въ этомъ вся суть дѣла. Герцогъ Аргальскій не лучше другихъ. Я чувствую себя отвратительно. Это будетъ ужасная война, если вы ее сейчасъ не оставите. Помоги вамъ Богъ!

Въ тотъ же день она прибавляетъ:

„Повидимому, Государь доволенъ моею работою въ Англии; мужъ мой произведенъ въ генералъ-лейтенанты, это третій классъ изъ четырнадцати, какъ видите, отличіе. Отъ души благодарю за все, за все, что вы сдѣлали на пользу великаго дѣла“.

Слѣдующее письмо угрожающее:

Москва, 3-е апрѣля 1885 г.

„Сильное чувство горечи у всѣхъ, планъ таковъ: на англійскія слова отвѣтить русскими дѣлами и если призывъ запасныхъ у васъ состоялся, мы не отступимъ отъ такой же мѣры. Все это худо, и я сильно горю“.

Вторникъ, Пасхальн. нед., 7-е апр. 1885 г.

„Сегодняшнія „Моск. Вѣдом.“ называютъ васъ будильникомъ англійской совѣсти и въ подробности приводятъ ваши слова. Могу ли я не радоваться?“

„Когда я дѣлаю упрекъ въ недостаткѣ энергіи у русскихъ, не протестовавшихъ противъ занятія Пенджаба, я слышу одинъ отвѣтъ: „Было опасно, такъ какъ это составило бы осложненіе Гладстону. Мы надѣялись обойтись безъ этого и пошли впередъ тогда только, когда увидали, что онъ не могъ исправить фальшивый шагъ своихъ соотечественниковъ“.

Слѣдующее письмо написано послѣ того, что генералъ Комаровъ очистилъ Пенджабъ отъ афганцевъ.

Москва, 31 марта 1885 г.

„Наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ препятствуетъ объявленію мною очень важнаго и достовѣрнаго факта, который наше правительство желаетъ скрыть, изъ уваженія!!! къ серу Эдуардъ Торнтонъ и Гладстону, а именно, что нападеніемъ афганцевъ распоряжались и командовали англійскіе офицеры. Скажите, пожалуйста, зачѣмъ скрывать такіе поступки? не идиотизмъ ли это?“

„Прелестенъ отказъ афганцевъ пропустить англійскіе войска черезъ ихъ земли. Здѣсь это очень всѣхъ забавляетъ. Мно-

гіе обвиняють Комарова въ томъ, что, очистивъ Пенджабъ отъ афганцевъ, самъ ушелъ оттуда. Я думаю, онъ только исполнилъ свой долгъ и доказалъ свою честность“.

Москва, 3/17 апрѣля 1885 г.

„Зачѣмъ лордъ Дефферинъ такъ глупо поступаетъ? Зачѣмъ произносить такую злую и лживую рѣчь въ Индіи; онъ описываетъ поступокъ Комарова, какъ ничѣмъ не вызванное нападеніе русскихъ? Вѣдь онъ же знаетъ, что это неправда. У насъ всѣ (включая „Моск. Вѣд.“), крайне возмущены вашимъ Вице-Королемъ. Англія выдумываетъ предлоги, чтобы выиграть время; мы готовы. Англія намъ грозила и сдѣлала дерзость; мы слово свое сдержали, мы не разсылали агентовъ во всѣ стороны. Русскіе теперь стремятся наказать англичанъ за всѣ англійскія оскорбленія, но что касается до меня, то вы легко можете понять, какъ все на мнѣ больно отзывается“.

„Васъ здѣсь называютъ единственнымъ честнымъ англичаниномъ, который, одинъ, можетъ спасти Англію отъ униженія и безумія. Имя ваше дѣлается популярнымъ. Я горжусь вашей работой“.

10/22 апрѣля.

„Я все время старалась успокоить Каткова и другихъ, которые въ страшномъ гнѣвѣ на англійскую печать“.

Москва, 16/28 апрѣля 1885 г.

„Какое страшное время приходится переживать; нелѣпныя угрозы англійской печати производятъ свое роковое дѣйствіе. Но какъ могъ Гладстонъ предъявить такое безумное требованіе русскому правительству—отозвать Комарова! Онъ обвиняетъ его за исполненіе долга. Это ужасно! Распря кажется неизбежной теперь.“

„Великая держава, какъ Россія, не можетъ переносить оскорбленій въ угоду англійскимъ журналистамъ, которымъ выгодна эта игра“, вотъ отвѣтъ, получаемый мною отъ всѣхъ умѣренныхъ, хладнокровныхъ людей. Но у насъ нѣтъ денегъ, нѣтъ промышленности, позволяю я себѣ замѣтить иногда.

„Это ничего не значить, духъ страны долженъ быть высокъ, это первое качество великаго народа, имѣющаго великое будущее...“

„Это правда, но отъ этого не легче“.

18/30 апрѣля, 1885.

„Въ Россіи думаютъ, что Дефферинъ, Лумсденъ и вся англійская печать наносятъ намъ оскорбленія за наше миролюбіе.“

Другой причины нѣтъ. Англія стремится добыть свой кредитъ въ 11.000.000 этимъ временемъ. Дѣло въ томъ, что мы и теперь страдаемъ за наши Берлинскія ошибки. Въ нашу силу не хотятъ вѣрить. Англійская печать привыкла къ мысли, что Россія не отвѣчаетъ на запугиванія или угрозы просто изъ боязни, мои соотечественники говорятъ: намъ война не страшна. Наоборотъ. Мы не будемъ брать Индію, но можемъ страшно повредить Англіи и низвести ее на роль второстенной державы.

„Все это ужасно. Конечно, Англія потеряла частью свой престижъ, подумайте, какую мощь, какую неимовѣрную мощь, представляли бы Россія и Англія, если бъ, вмѣсто ссоры, въ глазахъ языческихъ племенъ, они были бы друзьями и союзниками? Почему англо-русскій союзъ кажется невозможнымъ? Какъ можетъ Гладстонъ заниматься бессмысленными нападками, и Богъ вѣсть почему обвинять Комарова одного изъ благороднѣйшихъ людей“?

Телеграмма Новиковой изъ Москвы.

30 апрѣля 1885 года.

Стѣлу.

„Въ отчаяніи. Телеграфируйте впечатлѣнія.

Новикова“.

Отвѣтъ.

„Миръ обезпеченъ, если дадутся мирныя объясненія.

Стѣдъ“.

Когда произошла радостная перемѣна настроенія, Стѣдъ опять писалъ:

„Низко клянюсь Вамъ. Хорошо, очень хорошо боролись, дорогой другъ! Побѣда Ваша, уваженіе къ Вамъ, всѣхъ благородныхъ сердець, глубже, чѣмъ когда-либо.

Катковъ, все время скептически относившійся къ возможности мирнаго исхода, написалъ блестящую передовую статью, восторженно восхваляя проницательность г-жи Новиковой и смѣлость, съ которой она противилась всеобщему пессимизму. Такое признаніе произвело, конечно, большую сенсацію.

Послѣ этой бури, у Ольги Алексѣевны явились новыя тревоги отъ извѣстія приближающагося паденія кабинета Гладстона, случившагося въ іюнь, и отъ слуховъ объ укрѣпленіи Герата.

Петербургъ 14/26 мая 1885.

„Я устала физически, но довольна нравственно и благодарна за Вашу энергичную работу, но меня огорчаетъ мысль, что Гладстонъ серьезно думаетъ выйти въ отставку. Это все-же несчастье“.

Она снова пишетъ.

Петербургъ 17/29 мая 1885.

„У меня былъ генераль Черняевъ. Онъ такъ открыто порицалъ въ Россіи занятіе, не только Пенджаба, но и Мерва, что этотъ протестъ ему стоилъ губернаторства въ Ташкентѣ „Мервъ несчастная деревушка, никуда негодная“, сказалъ онъ, что намъ нужно, это не быть во власти дикихъ племенъ. Пусть Англія возьметъ Афганистанъ, если можетъ, чѣмъ ближе мы будемъ въ сосѣдствѣ съ англичанами, тѣмъ ближе мы станемъ къ англо-русскому союзу, единственно важной вещи для обѣихъ сторонъ, въ Средней Азіи. Большой престижъ возстановился бы для Россіи и Англіи, если бы сталъ извѣстенъ міру этотъ взглядъ. Очень глупо со стороны англичанъ укрѣплять Герать и дать намъ болѣе опаснаго и безпокойнаго сосѣда, чѣмъ были афганцы. Эта политика Англіи не достойна теперешняго кабинета. Афганцы достаточно невыносимы, я ихъ хорошо знаю“!..

„Отставка Гладстона произведетъ печальное дѣйствіе. Никому такъ не вѣрятъ и никого такъ не уважаютъ у насъ, какъ его. Удивительно, право, какъ онъ любимъ! Нѣмецкій военный attaché мнѣ говорилъ: „когда узнали о смерти Гордона, русскіе были глубоко огорчены, гораздо болѣе, чѣмъ многіе англичане, которыхъ я знаю. И тогда даже не винили Гладстона, а говорили, что виноваты другіе министры, на которыхъ онъ, какъ конституціональный министръ, понадѣялся. Не говорила ли я Вамъ почти то же самое? Это будетъ ужасный ударъ, если уйдетъ человекъ, во всякомъ случаѣ, правдивый и незлобный. Я бы желала знать, кто далъ идею объ укрѣпленіи Герата? это хуже занятія афганцами Пенджаба. Здѣсь боятся пріѣзда Сэра Роберта Моріе и все же не вѣрятъ, чтобы Гладстонъ участвовалъ въ этомъ назначеніи. Бисмаркъ отказался отъ него напрямикъ. Моріе прославился во всей Европѣ своимъ неуживчивымъ характеромъ.“

30/18 мая 1885.

Обѣдала у Зиновьева ¹⁾, онъ сказалъ мнѣ, что ежеминутно ждетъ увѣдомленія отъ Сталя о подписаніи протокола.

¹⁾ Директоръ Азіатскаго Департамента въ министерствѣ Иностран-ныхъ дѣлъ, въ то время.

„Я“: протоколъ, отчего не договоръ“?

„Онъ“: Потому, что мы хотимъ покончить какъ можно скорѣе съ афганскими затрудненіями. Къ несчастью, намъ придется, вѣроятно, весьма скоро протестовать. Англія не хочетъ бросить свои дурныя замашки. Въмѣсто того, чтобъ честно соединиться съ нами и представить азіатскимъ племенамъ соединенную власть Россіи и Англіи, англичане укрѣпляютъ Герать. Такимъ ли способомъ можно упрочить дружескія отношенія съ нами? Сэръ Эдуардъ Торнтонъ сказалъ полушутя, полусерьезно, послѣдній разъ, что я его видѣла: „самое мирное рѣшеніе было бы раздѣлить Афганистанъ между Англіей и Россіей“. Я оставила это замѣчаніе безъ отвѣта. Англичане страшно болтливы, они печатаютъ все, что имъ скажутъ по секрету (не всѣ, не всѣ, восклицаетъ О. К.). Я изучаю теперь ихъ послѣднюю Синюю книгу—иногда она очень неосторожна. Они дѣлаютъ пропуски, измѣняютъ смыслъ прибавленіемъ не сказанныхъ словъ“.

„Я“: Почему Гирсъ говоритъ о военной партіи? Вы знаете, что у насъ въ Россіи партій нѣтъ. „Онъ“: Я не знаю, какое именно выраженіе было употреблено. Гирсъ хотѣлъ отмѣтить наше расположеніе и силу сопротивленія, которая всегда является, если затронуто національное чувство. Во время національнаго испытанія вся страна дѣлается военной партіей“.

„Зиновьевъ просилъ меня ставить ему вопросы обо всемъ, что я желаю знать. Онъ готовъ показать мнѣ всѣ документы, касающіеся этихъ дѣлъ, въ слѣдующій мой пріѣздъ“.

Послѣ отставки Гладстона, г-жа Новикова, выражая въ письмѣ свои сожалѣнія, послала ему копію воздаваемыхъ ему сочувственныхъ отзывовъ въ „Journal de St.-Petersbourg“ и книгу г-на Le Pleé.

Гладстонъ отвѣчалъ:

Доллсъ-Хил-Кильбернъ

1-е іюля 1885.

„Дорогая г-жа Новикова, какъ ни трудно мнѣ касаться политики, въ данную минуту, я долженъ благодарить Васъ за любезную присылку мнѣ слишкомъ благопріятной и снисходительной статьи „Journal de St.-Petersbourg“, а также книги, о которой я не имѣю понятія, но которую я принимаю отъ Васъ съ удовольствіемъ.“

„Я оставилъ службу удовлетвореннымъ, во многихъ отношеніяхъ, положеніемъ дѣлъ; но я былъ бы еще болѣе счастливъ,

если бы переписка объ Афганской границѣ достигла тогда того заключенія, котораго еще такъ недавно, гъвалось, нельзя было ожидать.

„Мои соотечественники снисходительно относятся къ многимъ моимъ недостаткамъ теперь; обыкновенно люди чувствуютъ состраданіе къ павшимъ. Ежедневно замѣтна возрастающая преклонность лѣтъ, ощущается мною самимъ гораздо болѣе, чѣмъ другими.

„Примите, съ моей благодарностью увѣреніе въ моей неизмѣнной преданности.

Гладстонъ“.

10 Доунингъ Стритъ.

Уайтъ-Холъ 7 іюля 1885 г.

„Дорогая г-жа Новикова, благодарю Васъ за интересное письмо и его содержимое. Я готовъ завидовать Вашимъ неполитическимъ стремленіямъ.

Вашъ искренно преданный Гладстонъ“.

Лондонъ 31 іюля 1885.

„Дорогая г-жа Новикова. До сихъ поръ я только благодарилъ Васъ за присланную мнѣ книгу Ле-Плей. Я не ожидалъ такой замѣчательной вещи, какою я, прочитавъ часть ея, теперь ее нахожу. Мнѣ она кажется соединеніемъ неутомимаго прилежанія нѣмца съ остроуміемъ и живостью француза. Такого внимательнаго соціальнаго наблюденія я не встрѣчалъ давно. Мнѣ нравится его уваженіе къ установленнымъ обычаямъ и власти, также какъ его мнѣніе о тѣхъ, которые, подъ впечатлѣніемъ минуты, готовы перестраивать государства, монархіи и общество вообще. Однако, мнѣ любопытно узнать, какъ онъ поддержитъ свою идею относительно „старого порядка“ (Ancien regime) во Франціи. Онъ, какъ будто бы, допускаетъ, что особеннаго вреда для Франціи не было, исключая монархической централизаціи и небрежнаго отношенія придворнаго дворянства къ имущественнымъ обязанностямъ. Этому трудно повѣрить, я бы желалъ знать, что бы сказалъ на это Токвиль, будь онъ живъ. Я вѣрю, безусловно, въ спасительное дѣйствіе мѣстнаго самоуправления и думаю, что никто не станетъ опровергать, что революція въ иныхъ случаяхъ не уменьшала вла во Франціи, а въ иныхъ случаяхъ даже его увеличивали. Все же Франція великая страна и должна остаться таковой.

„Я еще не познакомился съ личнымъ отношеніемъ г-на Ле-

Плей къ религіи, но и теперь уже я склоненъ чувствовать къ нему большое уваженіе.

„Мнѣ очень жаль, что не вижу успѣха въ переговорахъ между нашими двумя государствами. Вы знаете мою обычную свободу мнѣній о моемъ отечествѣ, и не думаю, чтобы Вы подмѣтили въ моихъ словахъ строгую критику поведенію Россіи или другихъ странъ, но я жду съ нетерпѣніемъ, чтобъ договоръ о Пенджабѣ былъ приведенъ въ окончательное исполненіе.

„Слова мои должны ограничиваться самымъ необходимымъ, мнѣ публичныя рѣчи запрещены и предписано ежедневное лѣченіе горла. Въ концѣ будущей недѣли надѣюсь быть на морѣ. Еще разъ прошу принять мою благодарность и увѣреніе въ искренней преданности.

Гладстонъ“.

Было бы несправедливо, говорить Стедъ, въ заключеніи этой главы не упомянуть о высокыхъ заслугахъ Лессара въ дѣлѣ умиротворенія. Онъ былъ молодой и мало извѣстный инженеръ, когда былъ посланъ въ Лондонъ, въ 1885 году, чтобъ установить основныя правила, по которымъ проведены были бы границы. Онъ плохо говорилъ по-англійски, но его искусство, его прямота, его совершенное знаніе предмета и прекрасный характеръ дѣлали его идеальнымъ орудіемъ, вполне успѣшно проводимыхъ имъ, переговоровъ. Онъ зналъ факты. Онъ осмотрѣлъ каждый вершокъ оспариваемой земли. Онъ никогда не терялъ голову и не оставлялъ васъ безъ отвѣта на какой-нибудь фактъ или доводъ. Онъ пожималъ плечами надъ тѣмъ, что ему казалось невообразимой глупостью, но въ общемъ онъ всегда былъ въ хорошемъ настроеніи и довелъ дѣло до подписи Англо-Русскаго протокола 10-го сентября 1885 года, обезпечившаго съ тѣхъ поръ непрерывный миръ по всей границѣ.

Лордъ Фицморисъ, въ его книгѣ: „Жизнь лорда Гранвиля“, утверждаетъ, что раздоръ въ Пенджабѣ былъ дѣломъ рукъ Бисмарка. Онъ приобрѣлъ Германію половину Новой Гвинейи. По поводу этого мнѣнія, которое совершенно совпадаетъ съ мнѣніемъ графа Игнатъева о началѣ распри, на Балканахъ, Стедъ приводитъ интересный разговоръ свой съ Лессаромъ въ 1899 г., въ которомъ Лессаръ, говоря о необходимости дружескихъ отношеній между Англіей и Россіей, привелъ, въ подтвержденіе, Перендскую сказку, могущую служить иносказа-

тельнымъ принципомъ иностранной политики всѣхъ государствъ.

Онъ говоритъ:

„Что больше всего меня удивляетъ—это англофобія и руссофобія. Когда нибудь мы съ Вами, несомнѣнно, будемъ воевать, всѣ народы воюютъ и будутъ всегда воевать, но смѣшно воевать преждевременно. Исторія учитъ, что народы воюютъ съ своими ближайшими соперниками. Вы толкнете того, кто идетъ по пятамъ, а не того, что отъ Васъ за версту. Онъ можетъ быть страшнѣе врагъ, когда дойдетъ до Васъ, но до тѣхъ поръ Вы его оставляете въ покоѣ. Россія на сто лѣтъ позади Англіи политически и экономически. Черезъ столѣтіе она можетъ васъ догнать, но теперь война съ Россіей просто глупость, вотъ нація, съ которыми Вамъ придется воевать въ недалекомъ будущемъ: Германія и Соединенные Штаты. Вотъ очевидные соперники Англіи. Рано или поздно они нападутъ на ваше первенство на моряхъ и какъ вы смѣшны будете, если истратите свои средства и силы на Россію, которая только жаждаетъ, еще вѣкъ впередъ, ничего больше какъ развивать свои внутреннія силы“. Разговоръ происходилъ въ то время, когда война съ бурами только-что возникла, Стедъ захотѣлъ узнать отъ человѣка, правдивость котораго ему была извѣстна и внушала ему полное довѣріе, угрожаетъ или нѣтъ какое-нибудь осложненіе во время этой войны? Вопросъ былъ поставленъ прямо:

„Желаете Вы или нѣтъ разрушенія Англіи, какъ великой державы? Я сознаю, что мы съ Вами поступали отвратительно, эта проклятая война насъ свяжетъ на долго. Если Россіи захочетъ насъ раззорить, лучшаго случая, чѣмъ этотъ, ей не найти. Я хочу знать теперь, когда наши правители предоставили Британскую Имперію какъ овцу на закланіе, желаетъ ли Россія видѣть насъ съ перерѣзаннымъ горломъ? Лессаръ помолчалъ прежде, чѣмъ отвѣтить, потомъ онъ сказалъ:

„Нѣтъ, я не желаю крушенія Англіи. Она была и вѣроятно будетъ враждебна Россіи и часто она раздражаетъ насъ своей обычной оппозиціей, мы желали бы видѣть ее униженной, но разрушенной нѣтъ, это дѣло другое. Не думаю даже, чтобы въ интересахъ Россіи было разрушеніе Англіи“, прибавилъ онъ. Стедъ отвѣчалъ: „Въ такомъ случаѣ, не думаете ли Вы, что Вы бы могли намъ помочь избѣжать войны? Напоминаніе о другихъ важныхъ вопросахъ могло бы заставить

нашихъ самонадѣянныхъ идіотовъ придти къ сознанію своей отвѣтственности“.

Лессаръ покачалъ головой.

„Нѣтъ, сказалъ онъ, это было бы слишкомъ опасно, да какой интересъ намъ спасти васъ отъ этой войны? Англія не станетъ сильнѣе послѣ этого опрометчиваго шага.“

Онъ говорилъ съ легкой циничной улыбкой, но говорилъ правду. На три года, по крайней мѣрѣ, Англія была вычеркнута изъ международной политики.

„Но Вы сказали, что не желали бы разрушенія Англіи, замѣтилъ Стедъ. „Разрушеній, конечно, нѣтъ, но если она добровольно хочетъ уменьшить свою боевую мощь, не намъ на это жаловаться, откровенно отвѣчалъ Лессаръ. Мы не отвѣтственны за войну, мы можемъ пользоваться ея результатами съ чистой совѣстью. Я Вамъ расскажу исторію, которая объяснитъ Вамъ лучше всего точку зрѣнія Россіи. Въ то время, какъ Зиновьевъ былъ нашимъ посланникомъ въ Тегеранъ, Скобелевъ покорилъ Геокъ-Тепе и уничтожилъ силу тепскихъ туркменовъ. Этимъ способомъ русская граница соединилась съ границей Персіи. Шахъ и великій визирь очень встревожились, и Зиновьевъ поѣхалъ къ великому визирю, чтобъ объяснить ему, какъ неоснователенъ ихъ страхъ.“

„Зиновьевъ сказалъ красивую рѣчь, указывая на безразсудство страха со стороны персіянъ. Россія была другомъ и союзницей Персіи. Что касается туркменовъ, они съ незапамятныхъ временъ были шайкой разбойниковъ. Никогда не было такого спокойствія на сѣверной границѣ Персіи, какъ со времени побѣды Скобелева. Ранѣе отправлялись, ежегодно, экспедиціи съ требованіемъ плѣнныхъ или съ цѣлью мщенія, теперь этого не существуетъ. Персидскій крестьянинъ спокойно спитъ. Персидская казна избавлена отъ большого, ежегоднаго расхода. Почему бы великому визирю не радоваться такому счастливому для Персіи обстоятельству? „Великій визирь слушалъ съ большимъ вниманіемъ, когда Зиновьевъ кончилъ, онъ отвѣчалъ: „Слова Вашего Превосходительства, слова правды и мудрости, граница спокойна. Теперь таки насъ не тревожатъ, и Россія—нашъ добрый другъ и сосѣдъ“. Онъ помолчалъ. „Но скажите, Ваше Превосходительство, если бъ Вамъ пришлось выбирать между злой кошкой или добронравнымъ тигромъ, кого Вы предпочли бы, Ваше Превосходительство? А въ чемъ же мораль этой притчи, относительно настоящаго?“ спросилъ Стедъ.

„Вотъ въ чемъ“, отвѣтилъ Лессаръ, для насъ Англія злая кошка, а Германія добронравный тигръ. Вы можете царапать насъ сколько угодно, этимъ вы только можете надоѣдать Россіи. Германія во всемъ относится прекрасно къ Россіи. Она готова измѣнить свое намѣреніе, чтобы сдѣлать угоднѣе намъ. Интересовъ своихъ она не пожертвуетъ, но интересами своихъ друзей и союзниковъ жертвуетъ съ наслажденіемъ, чтобы не разсердить насъ. Во всѣхъ нашихъ предпріятіяхъ ближняго или дальняго Востока, мы можемъ настолько же надѣяться на поддержку Германіи, насколько быть увѣренными въ оппозиціи Англіи. Но если Германія когда-нибудь поссорилась бы съ Россіей, она можетъ нанести намъ ударъ прямо въ сердце. Итакъ „Итакъ“, повторилъ Стедъ.

„Итакъ, какъ націи должны прежде всего помнить свои жизненные нужды, а не предаваться чувствамъ своихъ народовъ, Россія, пользуясь добрыми отношеніями Германіи и чувствуя къ ней все недоброжелательство Англіи, не можетъ забыть, что отъ Великобританіи настоящей опасности ей теперь не грозитъ, чего нельзя сказать о Германіи. Представляется вопросъ: увеличило бы Германію исчезновеніе Англіи? Какъ военная держава, Англія ничего не представляетъ для Россіи. Вы пошлете сто тысячъ солдатъ въ Африку. Что изъ этого? сто тысячъ человѣкъ здѣсь или тамъ ничто для той настоящей войны, о которой мы всегда должны думать. Вашень, какъ международный перевѣсъ Германіи, вашъ флотъ. Вы можете не дать намъ имъ воспользоваться, но фактъ его существованія, какъ силы, умѣряетъ честолюбіе нѣмцевъ. Если бъ погибъ вашъ флотъ, то это усилило бы воинственность Германіи, а къ такому несчастію Россія не можетъ быть равнодушна.

Во время войны Лессаръ часто бесѣдовалъ съ Стедомъ, онъ говорилъ, что ему любопытно было бы знать, во что оцѣнить Германія свою поддержку англичанамъ въ бурской войнѣ? Стедъ предполагалъ, что она получитъ Самоу и еще какіе-нибудь пустяки. „Неужели, воскликнулъ Лессаръ, Германія удовлетворится такой малостью“. Вѣдь Германія оказала вамъ громадную услугу, предотвративъ вмѣшательство Европы въ бурскій вопросъ. О такой для васъ бѣдѣ германскій императоръ не допускалъ даже и рѣчи, несмотря на симпатіи къ бурамъ своего народа.

Стедъ говоритъ, что онъ часто вспоминалъ эти слова, когда печать осыпала упреками англійское правительство въ постыдной услужливости Германіи въ вопросѣ о Венецуэлѣ и Баг-

дадской дорогѣ. Но Стедъ снова возвращается къ вопросу о Пенджабѣ. Когда Гладстонъ произнесъ свою вызывающую рѣчь о Пенджабѣ, говоритъ авторъ, г-жа Новикова потеряла терпѣнье. Она писала Стеду 1-го мая 1885 г.: „Гладстонъ сошелъ съ ума? почему онъ такъ грубо выражается, если онъ не желаетъ войны? Какъ Вы мало знаете афганцевъ, если довѣряетесь теперешнему эмиру. Лордъ Дефферинъ, повидимому, вовсе не такъ уменъ, какъ предполагалось. Я Вамъ разскажу одинъ фактъ, о которомъ узнала вчера вечеромъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ генералъ Крыжановскій имѣлъ длинный разговоръ съ туркестанцемъ Абдуръ Рахманомъ. Онъ увѣрялъ русскаго генерала, что Россія можетъ сдѣлать все, что хочетъ съ Индіей. „Пошлите, сказалъ онъ, одного русскаго солдата на Гималаи, и вся Индія возстанетъ“. Въ ту минуту, какъ Вы дѣйствительно станете угрожать Англїи, весь Афганистанъ и вся Индія будутъ на Вашей сторонѣ“.

Такая вспыльчивость со стороны г-жи Новиковой доказываетъ, какъ больно ей чувствовать, что Гладстонъ грозилъ войной Россіи въ спорѣ, въ которомъ, какъ впоследствии было доказано, вся вина была на сторонѣ Англїи.

Гладстонъ, однако, не могъ вполнѣ извинить русскимъ, что онъ считалъ недружелюбнымъ поступкомъ противъ его правительства въ этой борьбѣ.

Послѣ отставки, онъ писалъ г-жѣ Новиковой: „Я надѣюсь, что будетъ найденъ какой-нибудь разумный способъ, чтобъ установить единственный не рѣшенный вопросъ относительно афганской границы и тѣмъ покончить долго тянущееся дѣло. У васъ и у насъ слишкомъ много серьезной, но недоконченной работы, чтобъ задаваться новой“.

Черезъ восемь лѣтъ, когда Гладстонъ снова покидалъ кабинетъ, та же нотка неудовлетворенности звучитъ въ его письмѣ:

10 Доунингъ Стритъ

Уайтхолъ 15 апр. 1892 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Будьте увѣрены, что лучшія наши желанія сопутствуютъ Вамъ на Вашемъ пути въ Россію.

„Надѣюсь, что Вы будете содѣйствовать согласію между нашими странами и ихъ взаимному уваженію.

„Благодарю Васъ за присланную мнѣ интересную книгу и прошу принять мною написанное маленькое сочиненіе объ Ирландскомъ вопросѣ.

„Надѣюсь еще, что если не я, то другіе министры успѣшнѣе приобрѣтутъ расположеніе правительства Вашего великаго государства, чѣмъ это сдѣлалъ я въ 1885 г.

Вамъ искренно преданный

Гладстонъ“.

Справедливость относительно русскаго правительства, говоритъ Стедъ, требуетъ сказать, что, будь всякій другой, а не Гладстонъ во главѣ англійскаго кабинета, сильное доказательство нашего вѣроломства скоро заставило бы очнуться нашихъ правителей, а до кризиса все-таки дѣло бы не дошло.

Самый фактъ полного довѣрія къ Гладстону заставилъ русскихъ избѣгать всякой непріятности ему; отсюда возникли замедленіе, недоразумѣнія и даже возможность войны. Понятенъ, поэтому, гнѣвъ русскихъ, когда взаимнѣе своей сдержанности передъ враждебностью англійскаго общественнаго мнѣнія Гладстонъ ему уступалъ и даже готовъ былъ объявить Россіи войну изъ-за Пенджаба.

Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

